

Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин. ТЕОРИЯ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ. Учебник. М.: Норма, 2009. 384 с.

Авторы рецензируемого учебника – доктора юрид. наук, профессора Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин известны своими многочисленными теоретическими разработками в области судебной экспертизы, а также обширной практической экспертной деятельностью. Глубокие знания и опыт работы в данной области позволили им создать фундаментальный труд, содержащий сведения о теоретических, правовых и организационных основах судебной экспертизы и судебно-экспертной деятельности.

Судебная экспертиза, как известно, является весьма эффективным способом получения доказательств в различных видах юридического процесса (уголовном, гражданском, арбитражном и при производстве по делам об административных правонарушениях). Длительный, занимающий не одно столетие период существования практики производства судебных экспертиз привел к постепенному формированию законодательства, регламентирующего данную сферу общественных отношений, становлению системы государственных учреждений, осуществляющих судебно-экспертную деятельность, а также развитию собственной теории судебной экспертизы.

Авторы учебника наряду с анализом основных положений общей теории судебной экспертизы (понятия, системы, функций, составляющих ее частных экспертных теорий и учений и т.д.) значительное внимание уделили широкому спектру правовых и организационных вопросов, связанных с деятельностью судебно-экспертных учреждений, непосредственно судебного эксперта, а также обозначили особенности назначения судебных экспертиз в разных видах производств. Рассмотрев положения, прочно закрепившиеся в теории судебной экспертизы, авторы рассмотрели также и вопросы, носящие дискуссионный, проблемный характер. Это свидетельствует о глубоком знании авторами насущных теоретических и практических проблем судебной экспертизы, а также демонстрирует готовность к их разрешению.

1. Систему судебно-экспертных учреждений России составляют в первую очередь *государственные* судебно-экспертные учреждения¹, на долю которых приходится основная часть производимых судебных экспертиз. Однако, как верно отмечают авторы, в последние десятилетия увеличилось и число так называемых “*негосударственных* судебно-экспертных учреждений”. В них в основном для целей гражданского и арбитражного процесса также производятся судебные экспертизы².

Деятельность указанных учреждений законодательно не урегулирована³. Именно поэтому примечательны рассужде-

ния ученых о возможностях и порядке производства экспертных исследований в *негосударственном* судебно-экспертном учреждении, о правовом положении его руководителя, о статусе лиц (экспертов), выполняющих такие исследования, и т.д. Особо авторы отмечают необходимость обеспечения контроля полноты и качества исследований, проводимых экспертом – сотрудником такого учреждения, в целом придания экспертной работе *негосударственных* судебно-экспертных учреждений характера, схожего с деятельностью *государственных* судебно-экспертных учреждений (с. 202–204, 213–217).

2. Анализируя правовое положение руководителя *государственного* судебно-экспертного учреждения, авторы критически оценивают отсутствие у него права “при его несогласии с выводами эксперта назначить другого эксперта” для проведения экспертизы в отношении тех же объектов и по вопросам, уже разрешенным ранее, что, по сути, означает осуществление процедуры *назначения судебной экспертизы*. Как альтернатива этому, полагают авторы, “руководитель в качестве сведущего лица может лишь высказать свое мнение по поводу данного заключения в сопроводительном письме к экспертному заключению” (с. 208).

Однако с этими взглядами авторов нельзя согласиться. В законе не закреплено ни права руководителя государственного судебно-экспертного учреждения официально *комментировать* заключение эксперта, ни права *назначать* судебную экспертизу⁴, и поэтому такие его действия нельзя признать правомерными. Представляется, что *такое* выражение руководителем судебно-экспертного учреждения своего мнения по поводу результатов проведенного экспертом исследования фактически может означать осуществление им *оценки* заключения эксперта, что не входит в полномочия руководителя судебно-экспертного учреждения, а относится, в частности в уголовном процессе, к прерогативе субъектов доказывания: следователя, дознавателя, прокурора, судьи (ст. 88 УПК РФ).

Очевидно и то, что ни правовое положение лица, занимающего должность руководителя судебно-экспертного учреждения, ни обладание им некоей суммой специальных знаний (по выражению авторов – его качество “сведущего лица”) не могут иметь приоритета перед положением судебного эксперта – участника уголовного процесса, *назначенного в установленном законом порядке для производства судебной экспертизы* (ч. 1 ст. 57 УПК РФ). Именно судебный эксперт, а не руководитель судебно-экспертного учреждения

ми различных государственных организаций, учреждений, предприятий (НИИ, музеев, картинных галерей, научно-производственных предприятий и т.д.), так и лицами, не работающими ни в одном из вышеназванных учреждений, например находящимися на пенсии специалистами в той или иной области знания и т.п. Главный критерий, в соответствии с которым закон определяет возможность привлечения того или иного лица в качестве судебного эксперта, например в уголовном процессе, является наличие у лица соответствующих специальных знаний (ст. 57, ч. 2 ст. 195 УПК РФ).

⁴ О правах и обязанностях руководителя государственного судебно-экспертного учреждения см. ст. 14, 15 ФЗ о ГСЭД, а также, например, ст. 199 УПК РФ.

¹ См.: Федеральный закон “О Государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации” от 31 мая 2001 г. (далее – ФЗ о ГСЭД).

² Следует заметить, что для уголовного судопроизводства назначение и проведение судебных экспертиз в такого рода учреждениях носит эпизодический характер.

³ В то же время ст. 41 ФЗ о ГСЭД содержит указание на принципы, в соответствии с которыми должны действовать в ходе производства судебных экспертиз лица, не являющиеся государственными судебными экспертами. Такие лица могут быть как сотрудниками негосударственных судебно-экспертных учреждений, сотруднича-

призван дать заключение, основываясь на результатах проведенного лично им исследования и в соответствии с имеющимися у него специальными знаниями (ст. 7 ФЗ о ГСЭД). И именно судебный эксперт, а не руководитель судебного экспертного учреждения несет персональную, а в соответствующих случаях и уголовную, ответственность за результаты проведенного им исследования.

3. Заслуживает поддержки пристальное и всестороннее рассмотрение авторами вопроса об оценке заключения судебного эксперта. Однако ряд тезисов и последовавших за этим выводов не может быть воспринят положительно.

Весьма резко звучит высказывание о способностях следователя и суда анализировать содержание заключения эксперта. По мнению авторов, они «не в состоянии оценить ни научную обоснованность выводов, ни правильность выбора и применения методов исследования, ни соответствие этих методов современным достижениям данной области научного знания, поскольку для такой оценки они должны обладать теми же познаниями, что и эксперт» (с. 318).

Этот тезис в конечном счете приводится в обоснование концепции установления в юридическом процессе «реальной состоятельности экспертов», для чего, по мнению ученых, «необходимо предоставить право назначения судебных экспертиз не только суду и стороне обвинения, но и стороне защиты» в уголовном процессе, а также сторонам в гражданском и арбитражном процессе. Таким образом, авторы считают, что лишь соревнование экспертов в ходе предварительного расследования и в суде является «единственной возможностью проверки научной обоснованности и достоверности экспертного заключения» (с. 319).

Однако следует заметить, что само по себе предоставление права стороне защиты *назначать судебные экспертизы* совсем не означает, что в результате *такой* состоятельности экспертов будет достигнута проверка научной обоснованности и достоверности данных экспертами заключений⁵. Более того, следует признать, что для подлинного осуществления защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ) в уголовно-процессуальном законе имеются все необходимые правовые механизмы, позволяющие стороне защиты отстаивать свои интересы, в том числе и с помощью судебной экспертизы.

Так, при назначении и производстве судебной экспертизы подозреваемый, обвиняемый, его защитник вправе знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы; заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении; ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц либо о производстве судебной эксперти-

зы в конкретном экспертном учреждении; ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту; присутствовать с разрешения следователя при производстве судебной экспертизы, давать объяснения эксперту; знакомиться с заключением эксперта или сообщением о невозможности дать заключение, а также с протоколом допроса эксперта (ч. 1 ст. 198 УПК РФ).

Вместе с тем проведение всесторонней оценки заключения эксперта, в том числе и с точки зрения тех аспектов его внутреннего содержания, на которые указывают авторы (научной обоснованности выводов, правильности выбора и применения методов исследования, соответствия этих методов современным достижениям данной области научного знания), законом возложено именно на суд, прокурора, следователя, дознавателя. При этом оценка заключения эксперта осуществляется ими в соответствии с точно установленными в законе правилами оценки доказательств: определением относимости, допустимости, достоверности содержащихся в нем сведений (88 УПК РФ). Важно отметить, что эти правила формировались на протяжении длительного периода развития уголовного процесса⁶ и в соответствии с законом применяются для оценки каждого из допущенных законом видов доказательств (ч. 2 ст. 74 УПК РФ).

Именно поэтому бесосновательной представляется позиция авторов, трактующих названные правила оценки доказательств как «нежизненные, эфемерные формулировки» и ратующих за определение в законе иных, по их мнению достаточно простых и общедоступных, критериев, «которыми субъекты, назначившие судебную экспертизу, должны руководствоваться при оценке экспертных заключений» (с. 319). Данное утверждение, как видно, соотносится с концепцией ученых о предоставлении права назначения судебных экспертиз и стороне защиты, но не согласуется с нормами действующего уголовно-процессуального закона.

4. Актуальной для теории и практики судебной экспертизы остается проблема оптимизации деятельности судебного эксперта. Авторы видят возможность ее разрешения в том числе и путем усовершенствования структурных составляющих *содержания заключения эксперта*. Обосновывая свое видение этого вопроса, они вносят предложение, правильность которого с точки зрения требований закона можно оспорить.

Наиболее приемлемым способом улучшения содержания заключения эксперта авторам представляется *сокращение описания* признаков объектов судебной экспертизы, замена его «*перечнем* признаков объектов и их фотоиллюстрациями с соответствующей разметкой» (с. 320–321). При этом они полагают, что это возможно согласно положению ч. 3 ст. 204 УПК РФ, в соответствии с которым материалы, иллюстрирующие заключение эксперта (фотографии, схемы, графики и т.п.) прилагаются к заключению и являются его составной частью.

Однако следует заметить, что закон придает содержанию любого вида доказательств чрезвычайно важное значение. Именно поэтому определяет, в частности, *заключение эксперта* как представленные в письменном виде *содержание исследования и выводы* по вопросам, поставленным перед экспертом (ч. 1 ст. 80 УПК РФ). Исходя из этого, и оценка заключения эксперта осуществляется с позиций установления прямой связи между содержанием заключения эксперта,

⁵ Подобный подход авторов свидетельствует об абсолютизации ими возможностей судебной экспертизы, в целом результатов деятельности экспертов, о приписывании этому явлению – «состоятельности экспертов» черт, которыми на самом деле оно и не обладает. Представляется, что это тот самый случай, когда «за лесом не видят деревьев». Эту возникшую в современной уголовно-процессуальной науке тенденцию подметили О.А. Зайцев и А.С. Подшибякин, справедливо указав, что «намечается фетишизация состоятельности, попытки рассматривать ее не как средство достижения истины, защиты прав и законных интересов участников судопроизводства, а как цель, которую следует обеспечить, жертвуя иными процессуальными ценностями, и т.д.» (см.: Зайцев О.А., Подшибякин А.С. Рецензия: А.В. Победкин Уголовно-процессуальное доказывание. М., 2009. 416 с. // Гос. и право. 2009. № 8. С. 122).

⁶ См.: Устав уголовного судопроизводства. 1864 г. // Свод законов Российской империи. Т. XVI. Ч. I. СПб., Ст. 107, 253, 299, 327 и др.

в котором отражаются ход и результаты исследований, проведенных экспертом (ст. 9 ФЗ о ГСЭД), и последовавшими за ними выводами.

Говоря о необходимости достижения полноты, объективности и достоверности содержания заключения эксперта, нельзя не признать, что методическое требование размещать в заключении эксперта подробное описание признаков объектов, имеющее целью, как справедливо заметили авторы, “их индивидуализацию в подтверждение того, что исследовались именно те объекты, которые были направлены следователем и судом”, как раз и обусловлено этой целью. Такое же значение согласно закону, в частности, имеют и фотоматериалы, которые служат дополнительной иллюстрацией содержания заключения эксперта и не могут заменять собой отдельных его частей.

В то же время очевидно, что настоящая оптимизация судебно-экспертной деятельности, не нарушающая процессуальных основ судебной экспертизы, видится в ее широкой компьютеризации и технизации, на что авторы указали в соответствующем разделе своей работы (с. 358–373).

5. Нельзя признать оправданным неаргументированное изменение учеными установленного в уголовно-процессуальном законе исчерпывающего перечня оснований назначения *повторной* судебной экспертизы: *возникновение сомнений в обоснованности* заключения эксперта или *наличие противоречий в выводах* эксперта или экспертов (ч. 2 ст. 207 УПК РФ). Между тем авторы обозначили в качестве таковых: процессуальные нарушения, допущенные при назначении или производстве судебной экспертизы, некомпетентность эксперта, его необоснованный отказ от дачи заключения, противоречие заключения эксперта другим доказательствам, собранным по делу (с. 321). Названные авторами положения не могут являться основаниями назначения повторной судебной экспертизы прежде всего в силу того, что они не указаны в соответствующей норме уголовно-процессуального закона. А кроме того, например, *выявление процессуальных нарушений, допущенных в ходе назначения или производства судебной экспертизы*, не только не является основанием назначения повторной судебной экспертизы, но может и должно стать основанием признания заключения эксперта, полученного в результате ее проведения, недопустимым доказательством (ст. 75 УПК РФ).

Необоснованный отказ эксперта от дачи заключения также не может являться основанием назначения повторной судебной экспертизы, поскольку сам по себе отказ эксперта от проведения судебной экспертизы, причем неважно – обоснованный или необоснованный, есть свидетельство того, что судебная экспертиза (первичная) еще не проводилась, а поэтому не может проводиться и повторная судебная экспертиза.

6. Вызывает возражение применение авторами неправо-вой устаревшей терминологии. Так, в тексте работы встречается термин “сведущие лица” (с. 208, 320 и др.). Как известно, данный термин⁷ (ранее – “сведущие люди”) использовался отечественным уголовно-процессуальным законодательством до 1921 г.⁸ для обозначения участников уголовного процесса, приглашаемых в случаях, “когда для точного уразумения встречающегося в деле обстоятельства необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии”⁹. Такая терминология объективно сложилась в то время, когда ни законодатель, ни судебная практика, ни правовая теория не были готовы к тому, чтобы отчетливо “разглядеть” различие выполняемых такими участниками уголовного процесса (сведущими людьми) задач, а также осознать необходимость в связи с этим их (участников) правового разделения.

В современном законодательстве не содержатся указанные выше термины, однако в нем имеются такие термины, как “эксперт” и “специалист”, обозначающие участников уголовного процесса, различное правовое положение которых (индивидуальный набор прав и обязанностей) предопределило их обособление в законе (ст. 57 и 58 УПК РФ). Именно поэтому попытка ряда ученых, в том числе и авторов рецензируемой работы, включить в правовой оборот такой обобщающий термин, как “сведущие лица”, представляется противоречащей современной тенденции развития уголовно-процессуального закона и права, состоящей в детализации, максимальной “прописанности”¹⁰ всех правовых прав и процедур, а потому – бесперспективной.

Подводя итог вышеизложенному, можно предположить, что полемику могут вызвать и ряд других спорных положений. В то же время очевидно, что рецензируемая работа Е.Р. Россинской, Е.И. Галяшиной, А.М. Зинина представляет собой глубокое научное исследование и, несомненно, имеет большое теоретическое и практическое значение.

Н.Е. Муженская, ведущий научный сотрудник ВНИИ МВД России, канд. юрид. наук, доц., полковник милиции

⁷ Термин “сведущие лица” появился в юридической литературе в начале XX в. (см., например: *Фельдштейн Г.С.* Лекции по уголовному судопроизводству. М., 1915. С. 284 и др.).

⁸ См.: О судебно-медицинских экспертах (Положение). Постановление Наркомздрава и НКЮ от 24 октября 1921 г. // СУ. 1921. № 75. Ст. 616.

⁹ См.: Устав уголовного судопроизводства. 1864 г. // Свод законов Российской империи. Т. XVI. Ч. I. Ст. 112.

¹⁰ См.: *Зорькин В.Д.* Россия и Конституция в XXI веке. Изд. 2-е, доп. М., 2008. С. 224.